

Казимир Лиске:
**«Хочешь понять
 систему
 Станиславского —
 учи русский»**

Ольга ФУКС
 Фото предоставлены Казимиром ЛИСКЕ

Пути Господни
 НЕИСПОВЕДИМЫ.
 И ИНОГДА ПРИВОДЯТ
 ЧЕЛОВЕКА СОВСЕМ
 В ДРУГОЙ МИР, ПОЧТИ
 ВО ВСЁМ ОТЛИЧНЫЙ
 ОТ ТОГО, ГДЕ ОН РОДИЛСЯ
 И ВЫРОС. ЭТУ РАЗНИЦУ
 (НО ОДНОВРЕМЕННО
 СХОДСТВО) ОСОБО ОСТРО
 ОЩУЩАЕТ АКТЁР —
 МЕДИУМ ВРЕМЕНИ, БЕД
 И РАДОСТЕЙ СВОЕЙ
 ЗЕМЛИ. НОВЫЙ ГЕРОЙ
 РУБРИКИ «ИНОСТРАНЕЦ»,
 ПОСВЯЩЁННОЙ
 ТЕАТРАЛЬНЫМ
 ИММИГРАНТАМ, — АКТЁР,

Контекст для истины

Казимир родился в семье архитекторов — профессия творческая и в то же время фундаментальная, и такой же основательности родители хотели для сына, желая ему судьбу врача или инженера. Но Казимир играл в любительских спектаклях, а в пятнадцать лет уехал по обмену в Италию: год жил в маленьком городке в Альпах, в семье с двумя детьми, учил язык и вместе с новым языком открывал... себя.

«Мне очень повезло — я попал в чудесную семью, в волшебную страну, не зная, что такое Европа, мир, не понимая языка. То есть это была не первая моя поездка за границу, но впервые я попал внутрь другого мира, ощутил, что это не просто общение с иностранцами, — я о себе самом узнал много нового. Невозможно ведь просто заговорить на чужом языке — подключается и тело, и воображение, начинаешь мыслить иначе. Словом, в тебе просыпается как бы немного другой человек, и он — это тоже ты. Очень похоже

на влюблённость в какой-то текст, который ты начинаешь репетировать.

Это состояние нельзя постичь при общении через переводчика. Точно перевести не получится — можно только попытаться дать понять. У меня был опыт занятий с театральными стажёрами из Гарварда, которые приезжают на несколько месяцев изучить в сжатом виде систему Станиславского. Причём я работал с переводчиком, потому что у меня были ещё и русские студенты. Тогда я осознал, что дословный перевод недопустим — можно лишь ломать голову, как объяснить тот или иной термин. Например, «оценка» Станиславского совсем не то же самое, что «a valuation», как перевели на занятиях. Система Станиславского работает только на русском языке: хочешь понять её — приезжай сюда, учи русский. Единственный способ постичь истину — это знать контекст, в котором она родилась. Когда это знание есть, истина точно рождается внутри тебя самого. Потрясающее чувство! Впервые я испытал его как раз в Италии, в пятнадцать лет. Мне кажется, каждый актёр должен пройти через что-то подобное. Познавать чужое, изучать контекст трудно, даже тяжело, но только тогда истина открывается тебе не через переводчика, не через ассоциацию — она рождается в тебе самом, и тогда происходит настоящий творческий акт. Я подсел на это».

В Россию, в кино 1970-х

Итальянские каникулы Казимира получили логическое продолжение: он вернулся домой, доучился в школе и поступил в престижный университет, выбрав специальность «итальянская литература». Любительские спектакли на время уступили место спорту. Но в числе занятий, которые выбрал для себя Казимир («творческие» предметы по выбору — обязательный элемент любого университетского образования в Америке), оказалась сценография, которую преподавал знаменитый Георгий Алекси-Месхишвили, давний соавтор Роберта Стуруа. Студент и профессор быстро нашли общий язык, Георгий Владимирович убедил Казимира, что театром надо

Георгий Алекси-Месхишвили

Казимир Лиске

заниматься в России, и даже познакомил его с тогдашним ректором Школы-студии МХАТ Анатолием Смелянским. Казимир узнал про трёхмесячную совместную программу Центра О'Нила и Школы-студии и отправился в Россию.

«Я не хотел учиться на актёра в США. У меня было ощущение, что в Америке надо постоянно думать о том, как себя продать, а для продаваемости нужны чёткие навыки и критерии. Я такую систему очень уважаю: раз продаётся – значит, это хорошо (что в принципе справедливо). Если продаётся – значит, актёр может зарабатывать и позволить себе развиваться, в том числе и в каком-либо другом деле. Мне нравится такое положение вещей. Но сам процесс подобного обучения был мне не очень интересен. Я почему-то всё время мечтал о мастере, который откроет мне все секреты.

Помню свой первый приезд в Россию. Нас забирали из аэропорта, везли по адским пробкам Ленинградки к общежитию у Белорусского вокзала. Я смотрел сквозь темноту на светящиеся надписи на незнакомом языке и понимал: всё опять надо начинать сначала. Вскоре мы подъехали к общежитию, из него выбежала компания парней, они сразу разобрали чемоданы наших девочек, некоторые из которых

обиделись, другие удивились – в Америке ведь это давно не принято. А потом мы обосновались в общежитии, и мне показалось, что, попутешествовав во времени, я словно попал в какой-то романтический фильм 1970-х. Все страстно обсуждают театр, новые фильмы. Все адски курят. Все очень красивые.

А примерно месяц спустя я шёл с друзьями по Арбату и громко говорил по-английски. Меня остановил милиционер, потребовал документы. Паспорт я отдал на продление визы, с собой у меня была только ксерокопия и студенческий билет. Офицер дал мне понять, что я «попал». Кто-то посоветовал показать ему билет Школы-студии. И вдруг я увидел, как офицер изменился в лице: «Так ты актёр? Молодец, удачи тебе!» Я понял, как много здесь значит театр. В Америке с таким же пиететом относятся к членам какого-нибудь знаменитого спортивного клуба, а театральному актёру сказали бы: ну о'кей, ты актёр, а работаешь-то ты где? В Штатах люди даже не знают, какую власть над человеком имеет театр (о чём всё время страстно, даже пугающе говорит Константин Райкин). Но почему там кино важнее театра? Может быть, потому что у театра нет такой мощной финансовой поддержки, как у кино. Может быть, сказало сформировавшийся в 1930-е годы культ автомобилей (если что-то нельзя делать в машине, то этого не стоит делать вовсе: в авто ели, спали и... смотрели кино, припарковавшись на специальных площадках перед открытыми кинотеатрами – я успел такое застать). Но это так...»

Три учебных месяца пролетели стремительно, и останавливаться не хотелось. В Школе-студии МХАТ набирал курс Константин Райкин, чей «Ричард III» стал для Казимира сильнейшим впечатлени-

«Black & Simpson»

«Иллюзии»

ем («ничего подобного я в жизни не видел!»). Но поступать к нему без владения языком было невыносимо. Казимир преподавал английский, учил русский, придумывал с друзьями спектакль и помогал вновь приехавшим американцам осваиваться в таком сложном городе, как Москва. Через год Райкин объявил дополнительный набор, и на его курсе зазвучал американский акцент – два американца, Казимир Лиске и Один Лэнд Байрон, приехавший годом позже, во многом определили атмосферу на курсе. Одна из их учебных работ по сценречи (понятное дело – особо трудный предмет для двух американцев на русскоязычном курсе) заставила преподавателей кататься от хохота, а после превратилась в блистательный спектакль-хит «Лафкадио» по книге Шела Сильверстейна в постановке Светланы Ивановой-Сергеевой. С ним Один и Казимир проехали потом от Иркутска до Минска. Огромный рулон белой бумаги, с помощью которого можно изобразить всё что угодно, да скрипка – больше ничего не потребовалось двум друзьям, чтобы легко и пронзительно, весело и печально рассказать знакомую любому американскому ребёнку историю

про льва, который любил мармеладки и научился метко стрелять, покорила большой город, стал звездой и директором цирка, привык ходить на двух лапах и превратился в настоящего светского льва, но однажды поехал на охоту... и не смог решить, кто же он теперь, охотник или хищник.

Родители Казимира постепенно привыкли к тому, что сын всё больше времени проводит в России (надо сказать, отчим Казимира, человек военный, относился к этому выбору неоднозначно). Но в конце учёбы весь курс Константина Райкина отправился на Байкал, и Казимир прихватил с собой маму с отчимом. Это была особая поездка – память о погибшем однокурснике Ефиме Рощупкине, родившемся на Байкале, и предстоящее окончание учёбы окрашивало её в совершенно особые тона. Американские гости не могли это не почувствовать.

«Сейчас мы уже научились отделять жизнь простых людей от политики. Моим очень понравилась Россия. Отчим до сих пор вспоминает о той поездке и не устаёт удивляться, как же мы все, русские и американцы, похожи своими радостями и бедами! Я думаю, по-настоящему

Cazimir Liske:
“If you want to understand Stanislavsky’s system, learn Russian”

Olga FOUX
 Photo courtesy of Cazimir LISKE

INSCRUTABLE ARE THE WAYS OF THE LORD. AND SOMETIMES THEY LEAD MAN INTO A WHOLE OTHER WORLD, DIFFERENT IN VIRTUALLY EVERY WAY FROM THE ONE WHERE HE WAS BORN AND GREW UP. THIS DIFFERENCE (AND, AT THE SAME TIME, SIMILARITY) IS FELT MOST ACUTELY BY AN ACTOR – THE MEDIUM OF HIS LAND’S TIME, SORROWS AND JOYS. ACTOR, DIRECTOR, COMPOSER, AND TEACHER CAZIMIR LISKE, THE FOCUS OF THE LATEST “FOREIGNER” RUBRIC, DEDICATED TO THEATRE IMMIGRANTS, IS A NATIVE OF DENVER, COLORADO. HE CAME TO RUSSIA IN 2003 FOR THREE MONTHS AND ENDED UP STAYING HERE, AS IS THE CASE FOR ALL CHARACTERS IN OUR STORIES.

A context for truth

Cazimir was born into a family of architects – a profession that is both artistic and solid, and it is that same solidity that Cazimir’s parents wished for their son, hoping he would become a doctor or an engineer. Yet Cazimir performed in amateur productions and at the age of fifteen he went to Italy on an exchange program: for the period of one year he lived in a small town in the Alps in a family with two children, studying the language and discovering, along with the new language, his own self.

“I got very lucky – I found myself in this wonderful, magical country, knowing nothing about Europe, not understanding the language. I learned a lot of new things about myself. It is impossible, after all, to simply start speaking a foreign language – your body gets involved, too, as well as your imagination, you start thinking differently. It is as though another, slightly different, person comes alive inside you, and he is you as well. It is very much like being in love with a text that you begin rehearsing.

This state is not something you can grasp by communicating through an interpreter. I had an experience of working with theatre interns out of Harvard, who come here for a few months to learn a compact version of Stanislavsky’s system. It was then that I realized that literal translation is inaccurate – all you can do is rack your brain trying to figure out how to explain one term or another. Stanislavsky’s system works only in Russian: if you want to understand it, come here and learn Russian. The only way to understand the truth is to know the context wherein it was born. When you do, the truth seems to come alive within you. It was in Italy, in fact, that I experienced this for the first time, at the age of fifteen. I think that every actor needs to go through something like that. It is hard to understand something foreign, to learn the context, but it is only then that the truth opens up to you not through an interpreter, not through an association – it comes alive within you, a true artistic event takes place.”

To Russia, to the cinema of the 1970s

Cazimir’s Italian vacation had a logical continuation: at the university he decided to major in Italian literature. One of

“Lafcadio”

Cazimir Liske

jams along the Leningradskoye Highway to a dormitory near the Belorussky train station. We drove up to the dormitory, and a group of guys ran out from there and they immediately picked up all of our girls' suitcases. Some of the girls got offended by it, others were surprised – after all, in the US this was something that just wasn't done anymore. And then we settled in the dormitory and I felt like I had traveled in time and found myself in some romantic 1970s movie. Everyone is passionately discussing theatre, new films. Everyone is smoking like crazy. Everyone is very beautiful.

And about a month later I was walking along the Arbat with my friends, speaking English in a loud voice. A police officer stopped me, asked to see my papers. I had submitted my passport to extend my visa, and all I had with me was a Xerox copy and my student ID. The officer led me to understand that I was 'screwed'. Somebody suggested that I show him my Theatre Studio ticket. And suddenly I saw the officer's face change: "So you're an actor? Good for you, best of luck to you!" And I understood what a big deal theatre is here. In the US this kind of piety is afforded to members of some famous sports club, while a theatre actor would be treated with an 'oh, okay, so you're an actor, but where do you work?' People in the States don't even know the kind of power that theatre has over man (which is something my teacher Konstantin Raikin talks about all the time with great and even terrifying passion)."

Konstantin Raikin, whose "Richard III" had the greatest impact on Cazimir ("I've never seen anything like it in my life!"), was enrolling students into his course right when Cazimir finished his

the classes that Cazimir had picked for himself was stage design that was being taught by the famous Georgi Aleksii-Meskhishvili, an old co-author of Robert Sturua. The student and the professor quickly found common ground, Georgi Vladimirovich convinced Cazimir that he needed to study theatre in Russia and even introduced him to Anatoly Smelyansky, then president of the MAT Theatre School. Cazimir found out about a three-month joint program between the O'Neill Centre and the Theatre School and headed to Russia.

"I remember when I first arrived to Russia. We were picked up from the airport, driven through hellish traffic

"Illusions"

three-month course and was looking for opportunities to continue his education. Enrolling into Raikin's class without knowing the language was unthinkable. That's why Cazimir taught English, studied Russian, worked on writing a play with his friends, and helped newly arrived Americans settle in a city as complex as Moscow. And a year later Raikin announced additional enrollment, and that's when his course got a bit of American accent – two Americans, Cazimir Liske and Odin Lund Biron, who arrived a year later, have largely set the mood at the course. One of their class assignments on stage speech had their teachers rolling on the floor with laughter and later transformed into Svetlana Ivanova-Sergeyeva's hit production of "Lafcadio" based on a book by Shel Silverstein. Later, Odin and Cazimir toured with that production from Irkutsk to Minsk. A giant roll of white paper, which could be used to depict absolutely anything, and a violin – the two friends didn't need anything else in order to tell, in a manner both light and poignant, joyful and mournful, a story familiar to any American child. A story

about a lion that loved marshmallows and learned how to shoot accurately, won over a big city, became a circus star and director, got used to walking on two paws, and turned into a true high-society lion, but one day he went on a hunt... and was unable to decide who he was now, a hunter or a prey.

Cazimir's parents gradually became used to the fact that their son was spending more and more time in Russia (it should be noted that Cazimir's stepfather, a military man, was rather ambivalent about this choice). But at the end of the school year Konstantin Raikin's entire class went to Lake Baikal and Cazimir brought his mother and stepfather along. It was a special trip – the memory of their dead classmate Yefim Roshchupkin, who was born on Lake Baikal, and the upcoming end of their studies tinged it with very specific hues. The American guests couldn't help but feel it, too.

"Now we have already learned to separate the lives of regular people from politics. My folks liked Russia very much. My stepdad still remembers that trip and continues to wonder how similar we are,

"Black & Simpson"

the Russians and the Americans, in our joys and sorrows! I think that my parents became truly at peace with the birth of my son Oliver. When they met my wife Polina (artist and actress Polina Grishina – Ed.), they realized that there will always be a place for them in Oliver’s life.”

Incidentally, Oliver Cazimirovich Liske already performed his first role at the age of three months on the stage of the School of Dramatic Art in Dmitry Krymov’s production of “Eugene Onegin. In His Own Words”, enriching a picturesque crowd of peasants with his presence.

When art ends

The Praktika Theatre became Cazimir Liske’s own. Here he was able to try himself out in the most diverse of roles. As an actor in Ivan Vyrypaev’s “Illusions” (and later as a translator and producer of that text with American actors in Mikhail Baryshnikov’s Arts Centre). As a composer and performer – in the productions of “Sugar” and “The Unbearably Long Embrace.” As a teacher – in the production of “This Is Also Me. Verbatim.” And, finally, as a director in the production

of “Black & Simpson”, which became another bridge between the American and the Russian cultures. It is also a verbatim theatre of sorts, an epistolary novel with two protagonists – an old father, who lost his only daughter (Hector Black – Dmitry Brusnikin), and a jailed drug addict who killed her (Ivan Simpson – Anton Kuznetsov). A verbatim theatre that sounds like a parable on forgiveness and love. A document that is almost impossible to believe. A story launched backwards, from the end to the beginning.

A production that continues to grow like a crystal, because its characters are alive and continue to exchange letters – both with each other and with the director. And each time their latest letter becomes the production’s finale.

“This story is perfect for theatre precisely because it is unusual. There are two mutually exclusive reasons for staging it: it is unbelievable and it actually happened. At the end of the production we arrive at the beginning of the correspondence, to Hector’s first letter to Ivan: “I cannot forgive you. But I want to know who you are. Help me. Write to me.” Hector realizes that he himself probably wouldn’t have believed this story, but he followed his heart. He is an incredible man, he fought in World War II. He is an anthropologist and a biologist, he knows how to cure plants, because he searches for the cause of their disease.

It was an intuitive decision on my part to rewind the story from the end to the beginning. It was hard for the actors, they were used to event-driven work, to move from the beginning to the end. And here we see an idyllic relationship between two people who love each other. Little by little we find out that one of them is an old man, the other – a life-terminer, that one killed the other’s daughter. So the origin of their ideal relationship is quite terrifying. Yet I didn’t want to make it simply a story of forgiveness. Hector forgave Ivan rather quickly, after all. But it was verbal forgiveness, as it often happens, where a man tells his enemy, yeah, all right, forget about it, and then simply tries to avoid him. True forgiveness is when I am interested in my enemy, when I want there to be no boundaries between us, when I want to tell him: you are me. Because a common mistake a man makes is to shut himself off from the source of pain, to block it, instead of starting to work with it.

Hector can solve his problem only through contact with Ivan – he shows that contact is incommensurably better than non-contact. There is no reality where we could be isolated from the other. This is precisely why theatre is needed – to make a man want to develop, to live differently somehow. To realize: what do you know, I guess this is also possible.”

Cazimir lives “differently” all the time; and wind of change fills his sails. In the

near future, the main art for him will be music – his album is being released, Ivan Vyrypaev’s Polish production “Sun Valley” with Cazimir Liske as a composer. The audience will see him in future productions “Optimists”, “The Particle of Universe”, “Moving up.” Simultaneously, Cazimir works on a documentary about Russia. The theatre is not neglected either – together with his wife, an artist and actress Polina Grishina, Cazimir Liske creates a play dedicated to Darwin.

РЕЖИССЁР, КОМПОЗИТОР,
ПЕДАГОГ КАЗИМИР ЛИСКЕ,
УРОЖЕНЕЦ ДЕНВЕРА,
ШТАТ КОЛОРАДО. ПРИЕХАЛ
В РОССИЮ В 2003 ГОДУ
НА ТРИ МЕСЯЦА – ДА
ТАК И ОСТАЛСЯ, КАК ЭТО
ВОДИТСЯ У ГЕРОЕВ НАШИХ
ИСТОРИЙ.